

именованные предметы и явления выглядят единственными в своем роде. Оттенки уникальности, исключительности, редкости, необыкновенности придают референтам новые имена. Расчленение единицы, имевшей ранее аналитическое построение, – само по себе явление, заслуживающее внимание. Если к тому же новая составная форма звучит необычно, то на ее возникновение, безусловно, повлиял фактор языковой экспрессии. Предметы и явления, оставаясь неизменными, сменяют свои небольшие по структуре имена на целые словосочетания. Однако такие словосочетания в силу постоянства обозначаемого воспринимаются как подобие

слова. Возможно, постепенно утратив эффект новизны и необычности, расчлененное название под действием уже другой силы уйдет из лексикона, а его место займет отдельное слово. Когда формализм отрицается, рациональность и точность надоедают и возникают новые яркие единицы, можно утверждать, что на переименование влияет жажда экспрессии. И наоборот, когда место раздельноформленной единицы занимает аналитическая, переименование происходит под действием тенденции экономии языковых средств. Такие процессы в языке протекают вечно, с регулярностью, понятной лишь самому языку.

Литература

1. Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М., 1979.
2. Fleischer W. Entwicklungstendenzen im Deutschen der DDR – der Wortschatz // Linguistische Studien, Reihe A, Arbeitsber. 170. Berlin, 1987.
3. Казаева Н.Н. Ономазиологические особенности английских субколлоквиализмов // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1984.
4. Калинина Л.А. Составные формы глагола в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.

О.Г. Щитова

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ ВАЛЕНТНОСТЬ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ XVII ВЕКА

Томский государственный педагогический университет

Проблема функциональной ассимиляции лексики иноязычного происхождения в языке-реципиенте является весьма актуальной для исторической лексикологии и грамматики в силу ее наименьшей разработанности по сравнению с фонетическим, морфологическим, семантическим, словообразовательным и другими аспектами изучения освоения заимствований. Внимание к синтагматике языковых единиц неизбежно приводит к необходимости анализа их сочетательных способностей, проявляющихся на разных уровнях языка.

Валентные свойства слова во многом зависят от его лексико-грамматических характеристик: принадлежности к определенной тематической группе, лексико-грамматическому разряду; особенности категориальной семантики лексических единиц обуславливают характер их грамматических связей с другими лексемами в сочетаниях словоформ и словосочетаниях, способность формировать тот или иной тип отношений и другие синтагматические параметры. Расширение сочетательных возможностей иноязычных единиц в процессе их функционирования в заимствующем языке свидетельствует о наиболее глубоком вхождении этих новаций в его систему. Сравнительное изучение валентности заимс-

тований, во-первых, с сочетаемостью других, более или менее ранних, заимствований, а во-вторых, с синтагматическими связями собственно русских слов позволяет объективно оценить степень ассимиляции иноязычного слова в русском языке.

Термин *валентность* был введен в западноевропейское языкознание Л. Теньером для обозначения сочетаемости глаголов. Более широкое понимание валентности как общей сочетательной способности слов развивается в работах С.Д. Кацнельсона, Б.А. Абрамова, В. Буссе, В.Г. Гака, М. Степанова, Г. Хельбига и других. Анализ лексико-грамматической валентности слова сводится к определению следующих ее характеристик:

- 1) общий тип валентности: активная или пассивная;
- 2) облигаторность валентности: обязательная или факультативная;
- 3) синтаксическая функция дополняющего члена (субъектная, объектная, атрибутивная, обстоятельственная, предикативная валентность);
- 4) форма дополняющего члена, в том числе его частеречная принадлежность;
- 5) категориальная семантика слова, реализующего валентность;

б) число валентности [1, с. 80].

Весь материал по западноевропейским заимствованиям в томских деловых документах XVII в. проанализирован по заданной схеме в последовательности, соответствующей хронологии заимствования: заимствования XI–XV вв., иноязычные слова, проникшие в русский язык в XVI–XVII вв. Такая характеристика выделенных из документов сочетаний словоформ и словосочетаний с точки зрения их лексико-грамматической валентности позволяет детальнее рассмотреть возможности заимствований сочетаться с другими единицами языка и на единых основаниях оценить валентные способности разных иноязычных номинаций.

Заимствования периода феодальной раздробленности (XI–XV вв.) имеют общий тип валентности – активный: «шапка женская... лазоревая» (1624 г., Том. тамож. кн., л. 19 [2]), «холстов толстых по осми денег» (там же, л. 16), «шапку лисиченку» (1635 г., РГАДА, ф. 214, стб. 49, л. 80 [3]), «бархат червчет» (1635 г., РГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 344), «яхонтов лазоревых» (там же), «пушечные мастера» (1626 г., РГАДА, ф. 214, ед. хр. 11, л. 449), «шкоты некоторые» (1634 г., РГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 229) – выделенные заимствования являются главными членами словосочетаний. Если анализируемые лексемы функционируют как подчиненные компоненты в словосочетаниях, то они проявляют пассивный тип валентности: «ходят (... в малых судах ... калмаки) з *бархаты*» (1618 г. [4, с. 294]), «купить *мушкату*» [там же, с. 291], «подбиты *бархатем*» (1635 г., РГАДА, ф. 214, стб. 49, л. 80), «бит *кнотом*» (1651 г., РГАДА, ф. 214, ед. хр. 381, л. 632), «послат(ь) *матеровъ*» (1634 г., РГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 120), «из *пушки* стрелят(ь)» (1635 г., там же, л. 341), «не учинит(ь) *шкоты*» (1634 г., там же, л. 299), «взял *пуд соли*» (1608 г. [5, с. 419]), «сем *яхонтов*» (1635 г., РГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 344).

Облигаторность валентности. Обязательная валентность актуализуется в глагольных словосочетаниях, чаще с переходными глаголами, особенно если иноязычные лексемы-существительные имеют значение ‘предмет, товар’, который необходимо привезти, купить: «купим *холсту*» (1616-1617 гг. [5, с. 448]), «повез ... *холсты*» (1627 г., РГАДА, ф. 214, стб. 181, л. 216), «поднес *бархату*» (1645 г., РГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 251), «прислать *шапку*» (1635 г., там же, л. 193), «из *пушки* стрелят(ь)» (1635 г., РГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 341).

Для томских деловых документов (особенно таможенных книг, явок) характерны атрибутивные словосочетания с дополняющими членами прилагательными и существительными, обозначающими качество, цвет, физические свойства, цену, место изготовления, так как товар было необходимо описать, представив его ценность: «*бархат* двоелиш-

ной» (1624 г., Том. тамож. кн., л. 15), «*холстов* тонких теплых по 2 алтна» (там же, л. 2), «*шелку бухарсково*» (там же, л. 77 об.), «(аршин) *бархату* черчатово цветново по бѣлоі земле» (1645 г., РГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 251), «*холсту* цена по полтретя рубли» (1619 г., РГАДА, ф. 214, ед. хр. 381, л. 76), «*холсту* хрящу» (1640 г., [6, 145]), «*шапки* киндюшные», «*трипъ* черный травчатый» (там же, 147), «*шелку* рязсково» (1649 г., РГАДА, ф. 214, стб. 251, л. 3).

Вещественные имена существительные *бархат*, *холст*, *шелк* сочетаются со словами, выражающими меру, проявляя свою обязательную валентность. «Аршин *бархату*» (1645 г., РГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 251), «сорок аршин *холсту*» (1619 г., РГАДА, ф. 214, ед. хр. 381, л. 76), «два ансыря *шелку*» (1624 г., Том. тамож. кн., л. 10 об.).

Заимствованные названия мер веса, как и исконно русские, не могут употребляться без количественных числительных или других слов, обозначающих количество. Так, для германизмов *пуд* и *фунт* обязательная валентность актуализуется в сочетаниях с количественными числительными: «1 пудов 23 фунта с полуфунтом зелья, 4 пуда 15 фунтов свинцу» (1627 г. [6, с. 29]), «полсема пуда сала» (1627 г., 3-я Том. тамож. кн., л. 47), «два пуда укладу» (1637 г., РГАДА, ф. 214, стб. 506, л. 49), «мѣди ... два фунта без четверти» (1637 г., РГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 298).

Конкретные существительные *мастер*, *пушка*, *шапка*, *яхонт* могут употребляться в количественно-именных словосочетаниях, формируя комплетивные отношения с числительными: «15 *пушек*» (1699 г. [6, с. 46]), «два чѣловека *мастеровъ*» (там же, 48), «67 *шапок*» (1624-1625 гг., Том. тамож. кн., л. 21), «сем *яхонтов*» (1635 г., РГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 344). Однако такая валентность названных заимствований в томских деловых документах XVII в. факультативна.

Заимствованное через польский из древне-верхне-немецкого языка существительное *шкота* (*шкота*) имеет отвлеченное значение ‘вред, ущерб’. У русских существительных данного лексико-грамматического разряда категориальная семантика определяет особенности их валентности: они не сочетаются с числительными, однако могут определяться при помощи отрицательных местоимений, что составляет их факультативную валентность. «... Они впредь над ними *никакой шкоты* и разорения не чинили» (1700 г., из излож. Том. тамож. док.), «велел ... *шкоты* им *никоторые* не учинит(ь)» (1634 г., РГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 299), «онѣ ... *никакие шкоты* не чинили» (1618 г. [4, с. 27]).

В томских памятниках реализуется предикативная, субъектная, определительная, обстоятельственная, комплетивная валентность западноевро-

пейских заимствований периода феодальной раздробленности. Иноязычные лексемы сочетаются со словами разных частей речи: глаголами, существительными, прилагательными, местоимениями, числительными, наречиями. Тип синтаксической связи – сочинение и подчинение; форма связи с дополняющими членами в составе словосочетаний – предложная и беспредложная.

Интенсивность проникновения иноязычных слов в русский язык в XVI–XVII вв. значительно возрастает, но в томских деловых документах XVII в. встречается меньшее в целом количество актуализирующих контекстов с заимствованиями XVI–XVII вв. по сравнению с более ранними. Фиксация иноязычных новаций в периферийных памятниках, отражающих русскую разговорную речь, является серьезной заявкой на то, что эти лексемы освоены принявшей их языковой системой. Это положение в целом подтверждается результатами исследования лексико-грамматической валентности заимствованных лексем.

Заимствования XVI–XVII вв. входят в состав цельных предикативных словосочетаний, актуализируя обязательную пассивную валентность со связью предложное управление: «служил в *ротмистрах*» (1680 г. [6, с. 40]), «служил в *рейтарах*» [там же], «был в *солдатах*» (1681 г., РГАДА, ф. 214, кн. 698, л. 174).

Практически все западноевропейизмы-существительные входят в состав глагольных беспредложных и предложных объектных словосочетаний, проявляя способность к обязательной пассивной валентности: «послалъ *отласу*» (1635 г., РГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 344), «уредясь в *пансырех*» (там же, л. 388), «поднесль *торель*» (1645 г., там же, л. 251), «пожалуй *збруи*» (1629 г., РГАДА, ф. 214, стб. 25, л. 179), «*кармазины* ... велено послать» (1638 г., РГАДА, ф. 214, стб. 1703, л. 205), «*стамеды* ... велено послать» (там же), «дали *лундыши*» (1609 г. [5, с. 425]), «прислано *селитры*» (1634 г. [6, с. 52]), «прислана *шляхта*» (1668 г., РГАДА, ф. 214, ед. хр. 594, л. 223), «продал *пару* соболей» (1625 г., 2-я Том. тамож. кн., л. 39), «взял *пистолет*» (1635 г., РГАДА, ф. 214, стб. 49, л. 80), «в твоих гдрвых наказех написано да и заповедных товаровъ вина и *табаку* у всяких людей ... осматривати» (1646 г., РГАДА, ф. 214, стб. 251, л. 72), «*табак* выняв отдавать» (1647 г., РГАДА, ф. 214, стб. 259, л. 629).

Много меньше глагольных предложных и беспредложных словосочетаний, в которых заимствованное существительное характеризуется факультативной пассивной валентностью: «ходят с *отласы*» (1618 г. [4, с. 294]), «идет с *протазаны*» (1618 г. [там же, с. 293]), «били на *кабаке*» (1635 г., РГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 80), «ходили *шляхом*» (1629 г. [7, с. 361]), «приехали с *мушкеты*», «скажут про та-

бак» (1647 г., РГАДА, ф. 214, стб. 259, л. 629), «на *ярмарке* куплены» (1668 г., РГАДА, ф. 214, ед. хр. 594, л. 2 об.).

Единичны случаи, когда иноязычные слова, сочетаясь с глагольными формами, обозначают субъект действия и создают активную обязательную валентность с предикативной семантикой дополняющего члена и взаимонаправленной связью компонентов словосочетания: «присланы *полковник* ... да писарь» (1665 г., РГАДА, ф. 214, ед. хр. 594, л. 153), «прислан *ротмистр*» (1661 г., там же, л. 243). Данная валентная семантика объясняется тем, что большая часть иноязычных существительных характеризуется категориальной семантикой неодушевленности, так как обозначает «иноземные» предметы, товары; заимствования, относящиеся к одушевленному существительному, единичны: *полковник*, *поляк*, *рейтар*, *ротмистр*, *солдат*. Эти одушевленные существительные, называющие людей по национальности и роду деятельности, иногда выступают в функции предиката. В этом случае они приобретают субъектную валентность, так как дополняющий член является подлежащим: «дѣдь *полякъ*» (1680 г. [6, с. 54]), «Леонтеи Ставской родом *полякъ*» (1666 г. [там же, с. 44]), «отец был *салдат*» (1681 г., РГАДА, ф. 214, кн. 698, л. 209 об.).

Активная валентность иноязычных слов реализуется в именных атрибутивных словосочетаниях, где дополняющими членами являются прилагательные, связанные со стержневым компонентом по типу согласования. Данная валентная характеристика сохраняется, как и у более ранних заимствований: «воинской *збруи*» (1629 г., РГАДА, ф. 214, стб. 25, л. 179), «*кармазины* *одинцовые*» (1638 г., РГАДА, ф. 214, ед. хр. 381, л. 439), «*лундышу* *свѣтлозеленого*» (1635 г., РГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 345), «*скорлату* *червчетогого*» (там же), «*торель* *золоченую*» (1645 г., там же, л. 251), «*шляхта* *королевская*» [6, с. 42], «с твоим гдрвым *табаком*» (1648 г., ЦГАДА, ф. 214, ед. хр. 381, л. 625).

Атрибутивная факультативная валентность заимствований возникает и в сочетаниях с существительными, функционирующими как несогласованные определения. Форма связи – предложное и беспредложное слабое управление: «*пистолет* с золотом» (1635 г., РГАДА, ф. 214, стб. 49, л. 80), «на *ярмарке* у Архангельского города» (1668 г., РГАДА, ф. 214, ед. хр. 594, л. 2 об.), «*башина* *трех* *сажень* *печатных*» (1627 г. [6, с. 24]). Атрибутивная валентность зафиксирована у вещественных заимствованных существительных, относящихся прежде всего к тематической группе «Названия тканей» (*атлас*, *кармазин*, *лундыши*, *табак*, *трип*). Атрибутивная валентность характерна и для конкретных существительных, которые являются большей частью названиями воинских принадлежностей (*башина*, *збруя*, *мушкет*, *пистолет*).

В томских документах XVII в. широко распространены цельные словосочетания, характеризующиеся комплетивными отношениями их компонентов. Это количественно-именные словосочетания с главным словом числительным.

Такая, комплетивная, валентность обязательна для существительных, обозначающих форму упаковки, меру товара: *кипа, пара*. «...ДвѢ кипы», «девет пар» (1628 г., РГАДА, ф. 214, стб. 204, л. 194), «восмьдесят пар» (1675 г., РГАДА, ф. 214, ед. хр. 590, л. 579 об.). Эти цельные словосочетания, в свою очередь, имеют обязательную комплетивную валентность, а в качестве дополняющего члена выступают вещественные существительные – названия тканей и конкретные номинации предметов торговли и жалования: «две пары соболей» (1634 г., РГАДА, ф. 214, стб. 40, л. 88), «88 пар пистолетов» (1699 г. [6, с. 46]), «двѢ кипы сукон» (1638 г., РГАДА, ф. 214, стб. 1703, л. 194); ср. аналогичное употребление исконно русского слова *стопа*: «/одна/ стопа бумаги» (1640 г. [6, с. 146]). В количественно-именных словосочетаниях главное слово может быть выражено существительным, обозначающим меру: «половинка лундышү» (1635 г., РГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 345), «аршин скорлату» (там же), «пуд торѢлей» (1624 г., Том. тамож. кн., л. 10 об.). Поскольку семантика вещественности и конкретности существительных определяет их количественную валентность, данной закономерности подчиняются и заимствованные апеллятивы: «*табак* весь (распродал)» (1649 г., РГАДА, ф. 214, ед. хр. 381, л. 625), «восемь пудовъ четырнадцать гривенокъ *селитры*» (1634 г. [6, с. 52]), «восмьдесят пар *пистолетовъ*» (1675 г., РГАДА, ф. 214, ед. хр. 590, л. 579 об.), «две *торели*» (1645 г., РГАДА, ф. 214, стб. 74, л. 238).

Определяя число валентности у заимствований XVI–XVII вв., мы учитываем семантику, частеречную принадлежность дополняющего члена, тип и форму связи иноязычной лексемы с дополняющим членом. Рассмотрим с этих позиций слово *мушкет*. «Да в гсдрве ѿнбаре ручных пищалеи, мушкетовъ прежних давных присылакъ, целых и порченых ... в том се числе без лож и без замков и стволов, рваных и ломаных, сто девяносто четыре» (1675 г., РГАДА, ф. 214, ед. хр. 590, л. 579 об.). В данном контексте можно выделить следующие валентности анализируемой лексемы.

1. В атрибутивном словосочетании «мушкетовъ целых» дополняющим членом является прилагательное, тип связи – согласование, форма связи – беспредложная.

2. Атрибутивные словосочетания «мушкетовъ без лож», «мушкетовъ без замков и стволов» характеризуются отнесенностью дополняющих членов к именам существительным; тип связи – слабое уп-

равление, форма связи – предложная.

3. В атрибутивном словосочетании «мушкетовъ давных присылакъ» дополняющий член «давных присылакъ» является цельным словосочетанием, в котором главное слово – существительное – своим лексическим значением соответствует определению, а зависимое прилагательное уточняет это значение: ‘давно привезенных’; тип и форма связи – слабое беспредложное управление.

4. Словосочетания «мушкетовъ порченых», «мушкетовъ рваных и ломаных» характеризуются атрибутивной семантикой дополняющих членов – причастий; тип связи – беспредложная.

5. Следующий тип валентности заимствование формирует в сочетании с количественным числительным: «(в ѿнбаре) мушкетовъ сто девяносто четыре». Компоненты данного количественного словосочетания связаны по типу примыкания. Форма связи – порядок слов и падежная форма существительного.

6. В глагольном словосочетании «собрался с мушкеты» заимствование имеет предикативную валентность; тип и форма связи – слабое предложное управление.

7. В сочетаниях словоформ «пищалеи, мушкетовъ», «3 карабина да мушкетъ» (1699 г. [6, с. 46]) связь сочинительная.

Таким образом, число валентности у заимствования XVII в. *мушкет* равно 7.

По данной модели выявлена валентность западноевропейских по происхождению слов, проникших в русский язык в XVI–XVII вв.:

XVI в.		XVII в.	
иноязычное слово	число валентности	иноязычное слово	число валентности
торель	7	табак	8
башня	6	мушкет	7
атлас	5	пара	6
ротмистр	5	пистолет	6
солдат	5	поляк	5
збруя	4	стамед	3
кабак	4	кипа	3
кармазин	4	полковник	3
шляхта	4	протазан	3
пансырь	3	ярмарка	2
скорлат	3	трип	2
королек	2	рейтар	1
купорос	2	шкатула	1
селитра	2		
шлях	2		
анис	1		

Число валентности является одним из важных критериев при определении степени освоенности иноязычного слова принимающей языковой системой. Опираясь на количественную и содержатель-

ную характеристику валентности, можно сделать вывод о неполной ассимиляции следующих иноязычных лексем последней из рассмотренных хронологических групп в русском языке XVII в.: *королек, купорос, селитра, шлях, анис, полковник, ярмарка, трип, рейтар, шкатула*. У некоторых из этих слов (*полковник, трип, шкатула*) время употребления в томских деловых документах более раннее, чем общепринятая датировка первой фик-

сации в русских памятниках (например, у М. Фасмера, по данным Картотеки Словаря XI–XVII вв. Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова).

Выводы, опирающиеся на исследование лексико-грамматической валентности иноязычных слов, согласуются с другими критериями определения степени их ассимиляции в системе языка-реципиента.

Литература

1. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
2. Рукописные таможенные книги Томска 1624–1625 гг., хранящиеся в отделе редких книг Научной библиотеки Томского государственного университета.
3. Российский государственный архив древних актов, г. Москва.
4. Покровский Ф.И. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. // Известия Отделения русского языка и словесности. СПб., 1914. Т. 18, кн. 4.
5. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1.
6. Головачев П.Г. Томск в XVII в. Б. м., б. г.
7. Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2.

Условные обозначения

ед. хр. – единица хранения, кн. – книга, л. – лист,
РГАДА – Российский государственный архив древних актов, г. Москва, стб. – столбец, Том. тамож.

кн. – Рукописные таможенные книги Томска 1624–1625 гг., ф. – фонд.